

Религия и наука

Каково отношение между религией и наукой? Согласимы ли они между собой? Может ли научно образованный и мыслящий человек иметь религиозную веру?

Если поставить эти вопросы современному русскому образованному - или, вернее, полубразованному - человеку (ибо подлинно образованных людей на свете мало), то на них последует быстрый и решительный отрицательный ответ. Прежде всего, быть может, найдется немало людей, которые, как бы они ни относились к советской власти и господствующим коммунистическим идеям в других областях, в этом вопросе серьезно верят казенной доктрине, что религия есть «опиум для народа», что она «выдумана» «жрецами» или «попами» для того, чтобы одурачить народные массы, держать их в повиновении и извлекать из этого личные выгоды для касты священников или вообще для господствующих классов. Seriously спорить с таким взглядом нет никакой надобности; он может быть опровергнут в двух словах, и всякий хоть немного, но подлинно образованный человек знает, что такой взгляд есть одновременно плод и чудовищного невежества, и жалкого недомыслия. История показывает, что все народы мира, первобытные и грубые и самые культурные, имеют религиозные представления и религиозную веру, в том числе и те народы, у которых еще нет никакого деления на классы или сословия; что есть многие народы, у которых вообще нет касты «жрецов» или священников, но которые вместе с тем глубоко религиозны (например, хотя бы народы античного мира). Словом, элементарное историческое образование достаточно, чтобы усмотреть, что религиозная вера никем сознательно не «выдумана», а есть коренное, исконное свойство человеческого духа, что как у всякого народа есть какие-то, никем нарочито не придуманные, а сами собой возникающие представления о добре и зле, о праве и нравственности, какие-то порядки семейной, хозяйственной, общественной жизни, так у всякого народа есть какие-то религиозные верования. А вдобавок к этому нужно лишь небольшое усилие ума, чтобы сообразить, что для того, чтобы «попы» или «жрецы» могли что-нибудь вообще «выдумать» и начать изготавливать свой «опиум», они прежде всего должны существовать; а существовать они могут, лишь когда у народа уже есть религиозная вера. Коротко говоря, при некоторых знаниях и некоторой сообразительности легко увидеть, что люди, верящие, что религия есть только способ одурачения народа, сами наивным образом одурачены, поддались гипнозу невежественных и бессмысленных слов. Гораздо большего внимания и действительно серьезного обсуждения заслуживает другая сторона вопроса. Каково бы ни было происхождение и причины религиозных верований, существенно, в конце концов, только одно: в какой мере они могут притязать на истинность, можно ли продолжать разделять их перед лицом научного объяснения мира и жизни? И тут господствующий отрицательный ответ на этот вопрос будет обосновываться приблизительно так. Религия и наука суть два способа объяснения одной и той же реальности, именно: сущности и происхождения мира, жизни, человека. Эти два объяснения резко между собой расходятся, и потому, признавая одно, нельзя признавать другого. Например, религиозное представление о мироздании, где земля находится в центре, наверху, на небе, живет Бог и находится «рай» или «царство небесное», а где-то внизу, под землей, находится ад, - конечно, совершенно несогласимо с научным представлением о бесконечности мироздания; о вращении земли вокруг солнца и т. п. Религиозное учение о сотворении человека Богом несогласимо с выводами эволюционного учения о сродстве всего органического мира и о постепенном происхождении человека из низших организмов. Религиозное учение христианства, например о рождении Христа от Девы Марии, абсолютно несовместимо с самыми элементарными биологическими данными, и с их точки зрения есть совершенный и грубейший вздор. Или, говоря вообще: религия на каждом шагу допускает чудеса, т.е. нарушения законов природы, твердо установленных наукой. Словом, приходится всюду выбирать между религиозным и научным взглядом на жизнь. А так как наука опирается на точные доказательства, а религия требует от нас слепой веры, то в выборе не может быть колебания. Религия несовместима с наукой, и чем более человек научно образован, тем более он имеет оснований отвергать как устарелое и опровергнутое заблуждение религиозную веру.

Это простое и типическое рассуждение представляется на первый взгляд совершенно неопровержимым, абсолютно убедительным. Тем не менее мы утверждаем, что оно не только не доказательно, а в корне ложно, что оно основано на непонимании как природы науки, так и природы религии, и что человек, действительно научно продумывающий этот вопрос, т.е. достигший не туманного и популярного, а подлинного научного знания о сущности как религии, так и науки, должен прийти к прямо противоположному выводу. Прежде чем доказать это систематически, обратим внимание на следующий факт, который косвенно может заставить усомниться в правильности господствующего представления об отношении между религией и наукой. Как с его точки зрения объяснить, что очень многие величайшие ученые, истинные творцы в области научного знания - и, пожалуй, даже большинство из них - до конца жизни оставались глубоко и искренне верующими людьми? Сошлемся на немногие, самые известные примеры (число которых легко можно было бы дополнить множеством других). Ньютон, открывший законы движения небесных тел, как бы разоблачивший величайшую тайну мироздания, был верующим человеком и занимался богословием. Великий Паскаль, гений математики, один из творцов новой физики, был не просто верующим, но и христианским святым (хотя и не канонизированным) и одним из величайших религиозных мыслителей Европы. Творец всей современной бактериологии, мыслитель, глубже других проникший в тайну органической жизни, - Пастер был глубоко религиозной натурой. Даже Дарвин, учение которого было потом использовано полуучеными для опровержения религии, не только никогда не думал сам, что его учение о происхождении животных видов и человека противоречит религии, но, напротив, всю жизнь оставался искренне верующим человеком. Конечно, можно возразить, что ученые бывают не всегда вполне последовательны в своих взглядах. Нельзя отрицать, что часто так действительно бывает, что есть на свете много профессиональных ученых, которые придерживаются того, что было названо «двойной бухгалтерией», т.е. что в своей лаборатории они не думают о религии, а по воскресным праздникам, идя по привычке в церковь, забывают о своей науке и в течение всей своей жизни не удосуживаются и не испытывают потребности привести в порядок свое мировоззрение. Но если это часто случается с ординарными, средними учеными, которые в своей жизни суть простые и подчас даже глуповатые обыватели, то это объяснение совершенно не подходит к великим, истинно гениальным творцам науки, к людям, для которых научный интерес есть величайшая страсть и центральное существо их личности, о котором они ни на мгновение не могут забыть. Сказать о таких людях, что они только по недомыслию, по умственной лени или робости совмещают веру в науку с религиозной верой, значит придумать объяснение в высшей степени неправдоподобное. Несомненно, что если такие люди совмещали научность с религиозностью, то они имели для этого какие-то глубоко продуманные ими основания.

А теперь обратимся к существу вопроса. Мы утверждаем, в противоположность господствующему мнению, что религия и наука не противоречат и не могут противоречить одна другой по той простой причине, что они говорят о совершенно разных вещах, противоречие же возможно только там, где два противоположных утверждения высказываются об одном и том же предмете.

Выражая эту мысль, сначала, для большей отчетливости, с некоторым сознательным упрощением (которое мы сейчас же далее исправим), мы можем сказать: наука изучает мир, религия познает Бога. Поэтому истины одной так же мало могут противоречить истинам другой, как мало, например, астрономические истины о строении солнечной системы могут противоречить, скажем, экономическому учению о законах денежного обращения.

Но позвольте - возразят нам - ведь религия своим учением о Боге вместе с тем меняет представления верующего о мире, жизни, человеке, т.е. о вещах, которые изучает наука, поэтому предложенное объяснение искусственно и совсем не устраняет трудности.

Возражение это имеет смысл, но оно не опровергает выставленного нами утверждения, а только заставляет нас несколько усложнить его. Точнее надо сказать так: наука изучает мир и явления, в нем происходящие, без отношения их к чему-либо иному; религия же, познавая Бога, познает вместе с тем мир и жизнь в их отношении к Богу. Поэтому, хотя и религия и наука затрагивают отчасти одно и то же - мир и жизнь, но они берут эту реальность в двух разных отношениях и потому говорят все-таки не об одном и том же, а о совершенно разных вещах.

Чтобы уяснить это, приведем пример соотношения некоторых наук. Может ли геометрия противоречить физике? Казалось бы, странный вопрос, на который можно ответить только отрицательно. Однако же геометрия говорит о точках, линиях, плоскостях и развивает о них целый ряд сложных учений, между тем как физик не может даже допустить существования чего-либо подобного. В самом деле, возможно ли существование точек, как чего-то, не имеющего никакого измерения, - линий, имеющих только длину, но не имеющих ширины и толщины; плоскостей, не имеющих никакой толщины (или глубины)? Реально для физика существуют только тела, имеющие сразу все три пространственных измерения. Самое простое наблюдение и размышление показывает, что ни одна вообще геометрическая фигура в том смысле, в каком ее берет геометрия, в физическом мире не существует и существовать не может, а существуют реальности гораздо более сложные и несовершенные, чем те идеальные формы, о которых говорит геометрия. Не есть ли геометрия наука о фикциях, т.е., просто говоря, ложное знание? Бывали мыслители, которые серьезно так и думали (например, английский философ Юм). Но, конечно, это неверно. Дело объясняется просто: геометрия есть учение о пространственных формах как таковых в их отвлечении от физических предметов, которым они присущи, и в их практически недостижимой чистоте; физика же изучает тела и их конкретные формы, как они возможны и встречаются в материальных вещах. Обе науки изучают (отчасти) одно и то же - формы тел, но берут их в двух разных отношениях; поэтому их выводы не совпадают, но и нисколько не противоречат друг другу. Что верно в отношении идеальных, образцовых форм, взятых независимо от конкретных тел, то неверно в отношении тех же форм, как они опытно даны в физических телах, и это совсем не делает геометрию фикцией, реально ненужной наукой, ибо в физических телах, хотя лишь в приблизительном и искаженном виде, реально присутствуют идеальные формы, о которых говорит геометрия; и всякий инженер знает, как реально важны и нужны геометрические чертежи и относящиеся к ним истины.

Возьмем теперь другой пример соотношения двух утверждений. Допустим, что в вагоне едущего поезда вы обращаетесь к вашему соседу с заявлением: *«Будьте добры сидеть спокойно на месте и не двигаться беспрерывно»*. Сосед обиженно отвечает вам: *«Я сижу совершенно спокойно на моем месте»*, на что вы в свою очередь возражаете: *«Как вы можете утверждать, что вы остаетесь на одном месте, когда вы на самом деле с большой быстротой едете вместе с вагоном?»* Я думаю, вам угрожает услышать, а может быть, и почувствовать весьма внушительный ответ вашего соседа, который решит, что вы издеваетесь над ним. Но кто же, собственно, прав? Остается ли на самом деле ваш сосед на одном месте или он движется? Конечно, оба правы: в отношении вас и вагона ваш сосед не двигается с места, а в отношении земли и всех предметов вне вагона он движется. Вот пример двух противоположных утверждений как будто об одном предмете (о пространственном перемещении или покое данного тела), которые, однако, нисколько не противоречат одно другому, потому что берут рассматриваемое явление в двух разных отношениях или в отношениях к разным предметам и, следовательно, в сущности говорят о разных вещах.

Этот пример вам полезен не просто как образец возможной вообще согласимости двух противоположных утверждений. Он по самому своему содержанию очень помогает уяснению истинного соотношения между учениями науки и религии. Продолжая эту аналогию, мы скажем: наука изучает отношение и явления, имеющие место внутри вагона, в котором мы все едем, оставляя совершенно в стороне отношение этого вагона и его пассажиров ко всему, что есть вне его; религия же учит нас как раз тому, в каком отношении мы, пассажиры этого вагона, находимся к той более широкой сфере, которая окружает этот вагон и из которой объяснимо его движение как целого. Оба рода знания не противоречат друг другу, а вполне согласимы между собой и оба нам одинаково нужны.

А впрочем, может быть, они не одинаково нужны. При разных обстоятельствах, в разные моменты и для разных людей то одно, то другое из этих знаний окажется гораздо нужнее противоположного. Если я еду без цели и без дела, просто чтобы прокатиться, то мне, пожалуй, безразлично, куда я еду и еду ли я вообще. Мне важно только найти себе в вагоне удобное место, важно, чтобы мои соседи мне не мешали; я, может быть, ни разу не удосужусь посмотреть в окно вагона или справиться у кондуктора, «где мы» и пора ли вылезать; я всецело буду занят или добыванием себе места спорами об этом с другими пассажирами, или беседой с моими соседями,

или чтением. Но если я тороплюсь по делу и помню, куда и зачем я еду, я буду с большим вниманием и интересом следить за тем, куда я еду и где мне слезать, чем за всеми, даже самыми интересными происшествиями, внутри вагона и из-за заботы об удобном, месте в вагоне не потеряю из виду движение самого вагона. Но ведь в конце концов - всякому из нас, даже праздному гуляке, где-то придется вылезать; и рано или поздно придется вспомнить, что едешь и куда-то приехал. А кроме того, и во время пути бывают такие толчки, что невольно очнешься, вспомнишь, что ты едешь, и даже против воли заинтересуешься, где ты находишься и что случилось, т.е. в каком отношении вагон находится к тому, что есть и делается за его стенами.

Впрочем, мы несколько отвлеклись в сторону. В какой мере нужно то или другое знание, есть дело отчасти вкуса, отчасти дальновидности. Сейчас нам важно другое: нам важно доказать, что оба рода знания - научное и религиозное - действительно не противоречат друг другу. Постараемся показать это уже без всяких аналогий и проверить это общее утверждение на конкретных примерах столкновения (мнимого, согласно нашему тезису) между наукой и религией.

Раскрывая аналогию с вагоном, мы прежде всего утверждаем, следовательно, в общей форме следующее: наука берет мир как замкнутую в себе систему явлений и изучает соотношения между этими явлениями вне отношения мира как целого (а следовательно, и каждой, даже малейшей его части) к его высшему основанию, к его первопричине, к абсолютному началу, из которого он произошел и на котором он покоится. Религия же познает именно отношение мира, а следовательно, и человека, к этой абсолютной первооснове бытия - к Богу, и из этого познания черпает уяснение общего смысла бытия, который остается вне поля зрения науки.

Наука как бы изучает середину, промежуточный слой или отрезок бытия в его внутренней структуре; религия познает эту же середину в ее отношении к началу и концу, к целому бытия или к его целостной первооснове.

Возьмем, например, религиозное учение о происхождении человека и сопоставим его с научным учением. Если понимать их как два разных ответа на один и тот же вопрос, две разные теории одной и той же сферы явлений, то между ними, конечно, - безвыходное противоречие. Но на самом деле это именно не так: оба учения говорят не об одном и том же, а о разном: наука - об относительном «происхождении» человека, т.е. о биологической преемственности его от иных, низших организмов на более ранних стадиях органической жизни (для простоты мы предполагаем здесь, что дарвинистическая теория эволюции верна, хотя фактически она существенно поколеблена в современной науке), религия же - об абсолютном происхождении человека, т.е. об его происхождении из самого первоначала бытия и об отношении его к этому первоначалу - Богу. Религия утверждает, что человек есть высшее, особое существо, отличное от всего животного мира, что он сотворен Богом, как «образ и подобие Божие»; и та же религия в своем учении о грехопадении добавляет, что человек позднее (по тем или иным причинам) «пал», т.е. потерял чистоту своего божественного образа и смешался с миром низшей природы, подчинился ему. Выражаясь популярно, можно сказать, что религия раскрывает нам иную, более раннюю эпоху бытия человека, предшествовавшую всей той органической эволюции, которую изучает наука. Ибо эта эволюция уже предполагает готовое бытие мира и есть его история; религиозное же учение говорит как бы о самом рождении мира и описывает место и значение человека в общем плане мирового бытия в самом его начале. Представим себе (после пережитой нами революции это особенно легко представить) некогда знатного дворянина или еще лучше - царского сына, наследника престола, который в результате какой-то катастрофы опустился материально и морально, нищенствует или тяжелым трудом поденщика зарабатывает себе пропитание. Противоречит ли его нынешнее жалкое состояние, его износившееся платье, его тяжкий труд, его порочность опустившегося человека, - противоречит ли длинная история его скитаний и приключений в поисках лучшего социального положения и, может быть, мучительно долгие попытки из нищеты выбиться в «люди» его царскому происхождению, его рождению во дворце, тому, что в его жилах и теперь течет царская кровь и что он по-прежнему питает - может быть, несбыточную, а может быть, и осуществимую - надежду некогда наследовать царство своего отца? Вы можете верить или не верить человеку, который, находясь в таком низком состоянии, гордо утверждает, что он царский сын, но вы не можете отвергнуть его утверждения ссылкой на то, что оно «противоречит» достоверно известным вам нынешним

условиям его жизни. И вот, религия именно и утверждает, что каждый из нас, нищих или поденщиков - слабых, беспомощных людей, предки которых смешались с животным миром и (по учению Дарвина) оказались в родстве с обезьянами, есть - по исконному своему происхождению и достоинству - царский сын, наследник великого царства. Вы можете этому верить или не верить, но вы не имеете права отвергать это ссылкой на научно установленную судьбу человека в составе органической эволюции мира.

Или, если религия говорит, например, о «земном», о «небесном» мире, то она имеет в виду нечто совершенно иное, чем астрономическое учение о положении земли в мироздании. Ибо «небо» религии есть не видимое нами и не астрономическое небо, а некий высший, иной мир, чувственно нам вообще недоступный, а раскрывающийся лишь в особом, именно религиозном опыте. Если вы никогда не имели, хотя бы в самой слабой форме, этого [религиозного опыта, если ваша душа никогда не чувствовала - ни в минуту смерти близкого, любимого человека, ни в минуту собственной смертельной опасности или величайших нравственных потрясений, - что видимый нами материальный мир есть еще не все, что вообще есть, что есть какие-то иные, редко достижимые нам, но в этих достижениях очевидные высшие просветы - то вы, конечно, будете отвергать это религиозное учение о «небесном» мире. Но во всяком случае нелепо говорить, что вера в иной мир противоречит истинам астрономии; это так же нелепо, как говорить, что учение о безграничности Вселенной противоречит «видимой» нами замкнутости горизонта. Или возьмем намеренно самое парадоксальное, «противоречащее» не только науке, но и «здравому смыслу» учение - например, догмат христианской веры о непорочном рождении Иисуса Христа девою Марией. Вы можете сколько угодно цинически улыбаться и высмеивать «бессмысленность» и «нелепость» этой веры; вы можете также добросовестно и серьезно сказать, что вы не в силах поверить этому - это ваше право. Но вы не имеете права сказать, что это учение противоречит научным данным биологии. Дело очень просто: если бы христианское учение утверждало, что Мария силою своей собственной природы, с помощью одних только женских функций и органов своего тела без участия мужа родила ребенка, то это было бы действительно нелепостью и действительно противоречило бы элементарным выводам или наблюдениям биологии. Но ведь учение это утверждает совсем иное: оно утверждает, что на Марию сошел Святой Дух, что само Божество сотворило себе человеческое тело в ее чреве. Вам кажется это невероятным? Я не буду сейчас об этом спорить и укажу только, что и религия не утверждает, что этот факт есть что-то обычное и естественное; она, напротив, утверждает, что это случилось лишь однажды, что это есть событие неслыханное и чудесное, выходящее из ряда всех естественных, обычных и постоянных явлений человеческой жизни. Но при чем тут «данные биологии»? Биология учит о рождении организмов в порядке постоянных, природных его уело в и и; но биология ничего не говорит том, что случилось, когда в дело вмешивается само Божество, когда Святой Дух низойдет на избранное им тело святой женщины. Она не утверждает, но и не отрицает ни самой возможности такого вмешательства Божества, ни тех или иных его последствий - просто потому, что она есть биология, а не теология, учение о природных организмах и природных условиях их жизни, а не учение о сверхприродном Божестве, его силах и возможностях.

И теперь мы можем, вместо отдельных примеров, обратиться к рассмотрению основного «противоречия» между религией и наукой, которое обычно усматривается в религиозной вере в чудеса, несовместимые с научной истиной о строгой закономерности всех явлений природы. Конечно, возможна религиозность и без веры в чудеса, и современный т. наз. «образованный» человек, поскольку он вообще приемлет религию, часто ищет такой религии, очищенной от «суеверного» допущения чудес. Но нужно честно признать, что настоящая, горячая и глубокая вера всегда связана с верой в чудеса. Ведь в сущности всякая молитва - а какая же религиозность возможна без молитв - есть просьба к Божеству о его вмешательстве в жизнь, т.е., в конечном счете, мольба о чуде. Религиозный человек верует, что он находится под постоянным водительством Бога; и если он усматривает волю Божию и в сцеплении явлений, обусловленных естественными причинами, то он не может отказаться и от мысли, что если Бог захочет, то Он всегда может и изменить естественный ход событий, т.е. сотворить чудо. Я очень хорошо знаю, какие глубоко вкорененные привычки мысли мешают современному человеку верить в чудо; я понимаю, что нужно уже иметь очень твердую и очень горячую веру, чтобы, не боясь показаться смешным, не боясь противоречить всему, что принято думать среди «образованных» людей,

исповедать свою веру в возможность чуда. И я никого не стараюсь убедить, что чудеса действительно бывают. Я утверждаю только, что никакая наука и никакая научность не опровергает и не может опровергать возможность чудес.

Принципиально дело тут обстоит тоже необыкновенно просто. Под чудом разумеется непосредственное вмешательство высших, божественных сил в ходе явлений - вмешательство, приводящее к такому результату, который невозможен при действии только естественных, природных сил. Но наука, изучающая закономерности именно только естественных, внутренних сил природы, именно потому ничего не говорит о возможности или невозможности чуда. И, с другой стороны, возможность чуда совсем не «нарушает» установленных наукой законов природы; ибо чудо вовсе не предполагает изменения действия сил самой природы; в его лице лишь утверждается, что возможно вмешательство новой и совершенно инородной силы и что при действии этой дополнительной силы общий итог будет иной, чем при действии одних лишь природных сил. Дело, очевидно, в том, что наука познает природу как некую замкнутую систему сил или явлений; она совсем не утверждает, что природа действительно есть абсолютно замкнутая система, что вне ее нет никаких иных сил, которые могли бы в нее вторгаться; она только ограничивается познанием внутренних взаимоотношений в природе, так как только такое познание есть ее собственное дело, и потому она ровно ничего не говорит ни о возможности, ни о невозможности чудес.

Чтобы уяснить логическое соотношение, возьмем аналогичный пример из области соотношений между самими явлениями природы и их комплексами. Механика Галилея учит, что все тела, независимо от их удельного веса, падают на землю с одинаковой быстротой и ускорением; «противоречит» ли этому закону общеизвестный факт, что пушинка падает на землю гораздо медленнее, чем железная гиря, или что в воде дерево совсем не падает? «Нарушается» ли этот закон тем, что аэроплан вообще не падает, а способен подниматься вверх и лететь над землей? Очевидно, нет. Ибо закон Галилея, подобно всем законам природы, содержит молчаливую оговорку: «при прочих равных условиях» или «если отвлечься от всяких посторонних влияний». Отвлеченно установленное соотношение между землей и телом, ею притягиваемым, нисколько не нарушается, и лишь конкретный итог явлений видоизменяется или усложняется от вмешательства новой, еще не учтенной в законе, посторонней силы: в первом случае - силы сопротивления воздуха или воды, во втором - силы мотора, заставляющей пропеллер вращаться и врезываться в воздух. Методологически совершенно так же дело обстоит и с тем видоизменением хода явлений, которое имеет место при чуде, с той только разницей, что там дополнительной, изменяющей общий эффект силой является уже не другая сила природы, а сверхприродная сила. Если Христос, как передает Евангелие, ходил по воде, как по земле, то этот факт так же мало «нарушает» закон тяготения, как и факт полета аэроплана над землей или плавания в воде тела, более легкого, чем вода. Только в последних случаях действие закона тяготения, не будучи «нарушено», преодолевается силой мотора или сопротивлением воды, а в первом случае оно совершенно так же преодолевается силою божественной личности Христа. Если человек выздоравливает от смертельной болезни после горячей молитвы к Богу (своей или чужой), то это чудо так же мало «нарушает» установленное медициной естественное течение болезни, как мало его нарушает удачное оперативное вмешательство врача: только в последнем случае болезнь прекращается через механическое изменение ее условий, а в первом - через воздействие на эти условия высшей божественной силы.

Но в том-то и дело, возразят нам, что наука допускает видоизменение явлений природы другими материальными или вообще природными же силами, но не допускает их видоизменения какими-то «духовными», «сверхприродными», «божественными» силами. Это возражение, столь естественное для большинства современных людей, заключает в себе даже не одно, а два недоразумения. Что касается действительной науки, то нельзя сказать, что она «не допускает» вмешательства сверхприродных сил; она только не занимается их изучением и отвлекается от них, как бы игнорирует их. Наука, как указано, занимается изучением соотношения между явлениями или силами природы; вполне естественно, что, занятая этим своим собственным делом, она не усложняет своей задачи еще рассмотрением тех инородных действий, которые могут иметь место при вмешательстве сверхприродных сил; это так же естественно, как естественно, что, например, архитектор, строя дом, при обсуждении его устойчивости и

прочности думает только об обычных, естественных разрушительных силах, но не о бомбардировке из тяжелых орудий. Поэтому также вполне естественно, что наука, встречаясь с каким-нибудь новым, неожиданным явлением, прежде всего старается отыскать, не есть ли оно действие каких-либо не замеченных ею раньше природных же причин, и потому не сразу верит в наличие чуда, и в этом смысле в пределах своей компетенции «не допускает» чуда; это так же естественно, как то, что, напр., судья низшей инстанции, встречаясь с утверждением, что дело ему неподсудно, так как оно относится к компетенции высшей инстанции (например, есть не простое уголовное, а политическое дело), обязан прежде всего проверить, так ли это и не исчерпывается ли все-таки дело признаками, определяющими его подсудность низшей инстанции; если такого судью обвинят на этом основании в превышении власти, в отрицании вообще высших инстанций, то это будет совершенно неосновательно и несправедливо. Точно так же поступает и истинная наука. Приступая к каждому явлению, она говорит: я прежде всего должна посмотреть, не окажется ли оно подведомственно мне, т.е. не смогу ли я его объяснить; и я откажусь от своих притязаний только после добросовестной и всесторонней его проверки. Но истинная наука всегда свободна от притязания на всемогущество, на неограниченное свое единодержавие и потому не содержит отрицания возможности действия сверхприродных сил, не входящих в ее компетенцию. Напротив, как мы уже видели, в лице величайших своих представителей, обладающих религиозной верой, она фактически признает эту возможность. Более того: некоторые глубокие мыслители, и притом совсем не руководствуясь интересами оправдания веры, заходили в своем ограничении универсальности законов природы гораздо дальше, чем-то, что предполагается в этом рассуждении нами. Так, Лейбниц, соединявший глубочайшую логическую проницательность с универсальной ученостью, утверждал, что законы природы суть не что иное, как «привычки природы», т.е. некоторый, только временно наладившийся ее порядок, изменчивость которого мы принципиально обязаны допустить. Скептик и позитивист Юм, чуждый всякой религиозной веры, утверждал, что мы не имеем никаких научных или логических оснований верить в неизменность наблюдавшегося доселе порядка явлений - что из того, что солнце в течение многих тысячелетий или сотен тысячелетий ежедневно всходит, еще совсем не следует, что оно непременно взойдет и завтра.

Действительно отрицает возможность чудес, т.е. сверхприродных или духовных сил (здесь мы переходим к разъяснению второго недоразумения) не наука как таковая, а лишь особая, вненаучная вера, особое мирозерцание, которое невежественные или полуобразованные люди приписывают самой науке и которому действительно подвержены отдельные ученые, но которое не имеет ничего общего с наукой, а есть именно слепая, безотчетная вера; мы разумеем материализм или натурализм. Материализм отрицает вообще существование духовных начал и сил; натурализм утверждает, что во всяком случае все силы, обнаруживающиеся в мире, действуют как слепые силы природы, и не допускает никаких сверхприродных и разумно действующих сил.

Вот тут мы добрались, наконец, до основного смещения понятий, которое кроется в столь распространенном и с такой решительностью высказываемом утверждении о противоречии между религией и наукой: вместо науки в нем собственно разумеется мирозерцание натурализма (включая в него и материализм). Между наукой в подлинном смысле, имеющей своей задачей хотя и великое, но вместе и скромное дело исследования порядка соотношений в явлениях природы, и религией как отношением человека к сверхприродным, высшим силам и началам жизни, нет и не может быть никакого противоречия, как это достаточно нами разъяснено. Но есть действительное и неустранимое противоречие между натурализмом (включая материализм) и религиозной верой, между мирозерцанием, утверждающим, что все бытие исчерпывается слепыми (или даже материальными) стихийными силами природы, и мирозерцанием, утверждающим за пределами «природы» силы иного, духовного или разумного порядка и допускающим их действие в мире. И корень всей ошибки в том, что наука отождествляется многими с натурализмом (или материализмом), что многим полуобразованным людям кажется, будто быть ученым и знающим - значит быть сторонником натурализма (или материализма), значит питать гордую уверенность, что на свете нет ничего, кроме слепых сил природы, и допущение чего-либо иного презирать, как невежественное суеверие и предрассудок.

И очень легко понять, как происходит это недоразумение, это, по существу, столь нелепое смещение понятий. Когда человек говорит: *«Я не верю утверждениям религии, потому что они противоречат истинам науки»*, то он, собственно, хочет сказать: *«Я не верю утверждениям религии, потому что я верю только в науку, т.е. я верю, что кроме научных истин никаких других нет, ибо нет никакой области бытия за пределами той действительности, которую познает наука»*. Вера в единодержавие и универсальность научного знания, основанная на вере в реальность одного только эмпирического, чувственного бытия, незаметно смешивается с верой в выводы научного знания и принимается за нее, тогда как по существу она не имеет с последней ничего общего. Отсюда рождается мнение, что «наука» противоречит религии, тогда как в действительности ей противоречит только идолопоклонство перед наукой, идолопоклонство, в котором самом нет ни грана научности и которого не разделяют люди, проникнутые подлинным научным духом.

Итак, прежде всего совершенно очевидно, что натурализм, а тем паче материализм совсем не совпадает с наукой, а есть сама некая, хотя и отрицательная по содержанию вера, которая научно не может быть доказана и с наукой не имеет ничего общего. Одни верят, что мир существует не сам собой, а укоренен в чем-то высшем и абсолютном, что разум и добро суть не выдумки, а лучи доходящего до нас из абсолютного первоисточника бытия, и что человек с его мечтами и надеждами имеет право не чувствовать себя одиноким и покинутым в хаосе мертвых сил природы. Другие, напротив, верят, что этот хаос есть единственная реальность, что в мире нет ничего, кроме бессмысленного столкновения слепых частиц материи, что человек не только целиком во власти этого бессмысленного вихря, но сам есть всецело его порождение и часть и что все его мечты, его жажда счастья, его любовь к добру и отвращение к злу, его искание разума и истины суть лишь жалкие иллюзии, обманчивые искорки, по слепым законам природы загорающиеся и потухающие в тех комплексах атомов, которые называются «человеческим мозгом». Кто это раз сознал до конца, с полной серьезностью и умственной ответственностью, тот знает, что ему приходится выбирать не между «религией» и «наукой», а только между верой в Бога, в добро и разум - и верой же в то, что Достоевский называл «дьяволовым водевилем». И тот, кто это сознал, понимает также, как непроходимо глупо, на каком почти идиотическом недомыслии основано ходячее убеждение, что человек, отвергнув религию, с помощью разумного научного знания и своего свободного стремления к совершенству утвердит на земле всеобщее счастье, разумный и справедливый порядок и станет вообще хозяином своей собственной жизни. Кто это сделает? Маленький, жалкий комочек мировой грязи, ничем принципиально не отличающийся от всего остального мира, победит и приведет в порядок чудовищные космические силы всей мировой грязи? И что это вообще значит - для мировой грязи и пыли – «справедливый» и «разумный» порядок! Она есть так, как она есть, она от века крутится, частицы ее слипаются и разлипаются, и те ее комочки, которые называются «людьми», от века дерутся между собой, пожирают друг друга, в положенный срок дохнут и разлагаются, слипаясь с остальной мировой грязью и пылью, и «дьяволов водевиль» либо не имеет конца, как не имеет начала, либо кончится, когда вихрь грязи и пыли уляжется сам собой в мертвой неподвижности. И откуда это «свободное стремление к совершенствованию» в комочке грязи, всецело подчиненном слепым силам, и что оно такое, как не жалкая иллюзия, роковым образом возникающая, как какая-то лихорадка в сером корковом веществе мозга? Стадо обезьян, научившихся ходить на задних ногах и одеваться в платье, в упоении собой поет хором: *«достигнем мы освобожденья - своею собственной рукой»*. Какое жалкое, смешное зрелище! Да ведь первый ливень разгонит этих обезьян, заставит их выть от холода и страха, и ничего они не «достигнут», кроме того, что подохнут, как дохнет в положенный срок все на свете, и мировой вихрь из их костей и праха родит новых обезьян, которые снова будут горланить свои песни, пока в свою очередь не подохнут.

Нет, кто не только болтает про свое уважение к науке, а кто действительно проникнут духом, образующим существо науки,- духом умственной честности и умственного бесстрашия, готовности до конца продумывать свои мысли, не прячась ни от каких выводов, если они логически необходимы,- тот скоро придет к неотразимому убеждению. Одно из двух: либо нужно поверить, что, кроме вихря мировой грязи и пыли, есть еще что-то на свете, есть мировой Разум и мировая Правда, на которые может опереться человек в своих исканиях и надеждах, либо же

остаётся верить только в «дьяволов водевилей», и тогда человеку не на что надеяться, и единственное, что остаётся человеку, есть или тупая покорность бессмысленной судьбе, или самоубийство.

Но, скажут нам, как ни необходим этот печальный вывод, он совсем не убеждает нас в истинности религиозной веры и в ложности материализма и натурализма. Напротив, то же самое бесстрашие мысли требует, чтобы мы не веровали ни во что, что не доказано и не обнаружено воочию, и, следовательно, мы обречены, как бы трагично это ни было, не признавать ничего, кроме чувственной, эмпирической реальности, которая есть неустранимый факт, и все остальное считать пустой мечтой, необязательной для нашего разума. В задачу настоящей книжки не входит положительное обоснование истинности религии; это - большая тема, которой, в сущности говоря, посвящена вся философия. Ибо вся философия, осознавшая сама себя и свой предмет - начиная от древних греческих мудрецов Гераклита, Сократа и Платона и кончая новейшей философией наших дней - есть религиозная философия, отыскание и разумное обоснование духовных первооснов бытия. (Недаром все атеисты и материалисты так ненавидят философию и боятся ее, хотя и скрывают свой страх и ненависть под маской презрения.) Но одно косвенное обоснование может быть здесь приведено - через усмотрение логической противоречивости материализма и натурализма.

Впрочем, разбирать материализм нет особенной надобности. Кто не верит на слово ходячим уличным идеям (или, вернее, словам) и хоть немного философски Образован, тот должен знать, что материализм - убеждение, что, кроме материи, в мире ничего нет - есть бессмысленное учение, давным-давно опровергнутое, учение, о котором наука уже перестала даже говорить. При сколько-нибудь отчетливом определении понятий все материалистические утверждения, вроде того, что «психического совсем не существует» или «что сознание есть продукт материи» и т. п., разоблачаются как явные недомыслия, с которыми науке, опирающейся на факты и ясные логические понятия, просто нечего делать. Да и ни один уважающий себя ученый не будет уже теперь называть себя материалистом. Впрочем, нельзя отрицать, что ряд других утверждений, производных от материализма или навеянных им, часто еще отравляет сознание и научно образованных людей. Нам нет, однако, нужды специально заниматься материализмом, ибо он есть лишь самая резкая и уродливая форма натурализма, и поэтому опровержение натурализма тем самым уничтожает и всяческий материализм. С другой стороны, здесь нам не нужно пускаться в сложные обсуждения утверждений натурализма по существу; достаточно показать чисто формально то внутреннее противоречие, которое ему присуще и которое делает его учение бессмысленным. Дело обстоит очень просто. Натурализм утверждает, что мировое бытие исчерпывается совокупностью слепых стихийных сил природы и что и человеческое сознание, человеческий разум, совесть, все человеческие понятия и идеи, подобно всему остальному, суть лишь результат мировой эволюции. Но натурализм, подобно всякому вообще учению или утверждению, претендует сам на истинность, считая себя теорией, разумно обоснованной, а все, что ему противоречит, например религиозное сознание,- заблуждением. Следовательно, натурализм верит в абсолютное различие между истиной и заблуждением, между разумной и доказанной мыслью и бессмыслицей. Но как возможно для человека установить, где истина и где ложь, и как возможно даже само понятие «истины» и «разумности», если все на свете, в том числе и человеческая мысль, есть только продукт слепых сил природы и не имеет никакого высшего значения? Ведь если человеческая мысль есть только, так сказать, искорка, вспыхивающая в человеческом мозгу на основании некоторых природных свойств мозга, и человеческое различие между истиной и заблуждением есть тоже только естественное свойство или естественно возникающая мысль в человеческом сознании, то оно не имеет большего значения, чем различие между «приятным» и «неприятным», «вкусным» и «невкусным». Человек так устроен, что имеет такие-то представления; и он так устроен, что одним из этих представлений он «верит» (испытывает к ним чувство или настроение доверия) и называет их «истинными», другим - не верит и потому называет их «ложными». Откуда мы можем знать, что одни из этих представлений или мыслей действительно истинны, другие же - действительно ложны? Скажут: об этом свидетельствует опыт; те представления, которые дают возможность целесообразно действовать и хорошо ориентироваться в мире, истинны, а противоположные - ложны. Но опыт в этом смысле разве только показывает, что одни представления полезны

человеку, а другие - вредны. Кто знает, не устроен ли наш мозг так, что все мы имеем превратные, «сумасшедшие» представления, и между теми представлениями, которые мы называем «истинными», и теми, которые мы называем «ложными», не больше разницы, чем между настроением мирных помешанных, которые могут жить, не нанося вреда самим себе, и настроением буйно помешанных, которые губят самих себя? Но более того: какое право мы имеем вообще говорить об абсолютной истине и какой смысл имеет это понятие? «Абсолютная истина» предполагает «абсолютный смысл»; это есть оценка человеческих мыслей и утверждений с точки зрения какого-то высшего, уже не человеческого, а именно самодовлеющего, абсолютного критерия. Но если в бытии нет ничего, кроме слепых сил природы, то мысль о таком критерии, о такой последней оценке человеческих мыслей сама бессмысленная, и есть только остаток религиозного верования, веры в абсолютный смысл и разум. Но тогда натурализм побивает сам себя, содержа внутреннее противоречие. Сказать: *«Я утверждаю, что в бытии нет ничего, кроме слепых сил природы, и что к ним принадлежу и я сам»* - все равно что сказать: *«Я утверждаю как разумную и доказанную истину, что никакой истины нет»* - или, что то же самое: *«Я утверждаю, что все на свете бессмысленно, в том числе и это мое утверждение»*. А это, собственно, значит: *«Я утверждаю, что я ничего не могу разумно утверждать»*. Отрицать объективное, онтологическое значение разума и истины - значит утверждать абсолютный скептицизм, абсолютную бессмысленность всех человеческих утверждений. Другими словами: отрицать основную мысль религиозного сознания, что эмпирическое бытие подчинено высшему, абсолютному началу Правды и Разума значит одновременно отрицать возможность и науки, как системы разумно обоснованных мыслей, имеющих право считать себя подлинно истинными. Не натурализм, не вера в положительную науку, а только абсолютный скептицизм, неверие ни во что, ни в какое человеческое знание, и даже неверие в свое собственное неверие (как в разумную мысль), чувство абсолютной бессмысленности всего и беспомощное состояние головокружения от этого сознания - вот единственно «последовательная» позиция, которая остается тому, кто отрицает великое абсолютное, разумное начало в бытии. И этот наш вывод есть вовсе не итог какого-то замысловатого, искусственного рассуждения. Этот вывод давно уже сделан всеми последовательными позитивистами и атеистами. Начиная с английского позитивиста Юма и кончая современными «эмпириокритицистами» и «прагматистами» (Мах, Авенариус, Пуанкаре и др.), атеизм доходит до убеждения, что «наука» совсем не открывает нам «истину», что она не имеет никакого абсолютного преимущества над представлениями даже невежественного человека, а что она только научает нас сокращенным выражениям наших мыслей, дает систему значков, пользуясь которыми мы можем полезно действовать (и что в этом отношении нет никакой разницы между наукой и религией). Словом, последовательная атеистическая мысль в Европе давно уже дошла до того сознания, которое выражено в старых детских стишках: *«Все на свете чепуха, чепуха и вранья»*. И только в нашей наивной матушке - России господствуют еще люди, которые с умным видом верят, что, отрицая разум как абсолютную, высшую инстанцию, еще можно утверждать разумность науки и неразумность религиозной веры.

И это противоречие заключено не только в теоретическом взгляде на человека и на научное знание; оно с такой же остротой проникает и все практическое мирозерцание. Какой-нибудь инженер, гордящийся своим знанием и умением, уверенный, что он может силой своей мысли овладеть силами природы, заставить их служить человеку, разумно переустроить мир,- вместе с тем убежден, что и он, и вся его мысль есть только продукт и часть той же самой слепой природы. Если мысль человеческая, познавая истину, силою своего обладания истиной может подчинить себе мертвую природу, воздействовать на нее и переделывать ее, как можно отрицать власть разумного духа над телесным миром? И как можно тогда отрицать, например, власть духа над собственным телом человека, которую обнаруживает и осуществляет аскет в качестве, так сказать, инженера над своим собственным телом? Медицина, успехи которой, подобно успехам техники, суть замечательное свидетельство могущества разума над слепыми и бессмысленными силами природы, до последнего времени в Европе странным образом не верила в непосредственную власть духа над телом и умела только лечить лекарствами или хирургическим вмешательством. Но за последнее время и европейская медицина все более учитывает то, что знали всегда в древности, что хорошо знают восточные народы (например, индусы), - именно что

человек есть не только раб своего тела, но и господин над ним, и что духовное усилие в деле выздоровления имеет часто огромное, принципиальное, неизмеримо большее значение. Та непосредственная власть духа над телом, которая из ежедневного опыта известна всякому здравомыслящему человеку и выражается в формуле: *«Захочу и сделаю то и то»* - и для отрицания которой в угоду материализма науке приходилось выдумывать искусственные и совершенно нелепые теории (вроде теории психофизического параллелизма, по которой влияние воли на движения тела только кажущееся, а не реальное), - эта самая власть духа над телом может выразиться и в формуле: *«Захочу и буду здоров»*. А если вспомнить, что в основе этого лежит собственное сознание объективной, онтологической общебытийственной значительности духа, т.е. представление, что единичный человеческий дух есть производное от некоего общего духовного начала, проявляющееся в мире, то отсюда - только один шаг до признания возможности чудесных исцелений через молитву, что для беспристрастного сознания подтверждается тысячекратным опытом. Ибо что такое есть это действие молитвы, как не укрепление человеческого духа через соприкосновение его с превышающим его общим источником духовных сил? Словом, или надо утверждать, что человек целиком и сполна есть только животное, и ничего более, - и тогда нельзя верить в то, что это животное называется «наукой», и в ее власть над слепыми животными силами, и человек обречен на бессилие перед лицом этих сил, образующих его собственное существо; или же человек на самом деле есть не только животное, а еще есть и нечто высшее - и тогда мы уже вступили в сферу религиозного сознания. О том же противоречии в области нравственных и политических воззрений мы уже говорили выше. Тут оно так разительно, что можно только недоумевать, как люди, не лишённые ума и сообразительности, не замечают его. Его давно уже выразил Вл. Соловьев, резюмировавший мирозерцание материалистически мыслящей революционной интеллигенции в формуле: *«Человек есть обезьяна, и потому должен жертвовать собой ради общего блага»*. Человек есть обезьяна, бессмысленное животное, руководимое одними страстями и животными инстинктами, и потому его «разум» утвердит общественный порядок, в котором будет царить справедливость, в котором все будут сыты и довольны, никто не будет обижать другого и все будут помогать друг другу. Человек есть обезьяна, и потому все люди братья, и да здравствует третий интернационал, всемирное объединение обезьян! Говоря без шуток - одно из двух. Или вечная мечта человека о правде, добре, о разумной жизни имеет объективное основание, надежду на осуществление; тогда это значит, что добро и правда - не субъективная выдумка, а онтологическая реальность и сила, лишь обнаруживающаяся в нравственно-общественной воле человека; или же человек есть действительно только животное, и тогда он обречен на бессилие в общественной жизни так же, как и во всех других областях жизни.

Таким образом, вопреки распространенным представлениям, не только наука не противоречит религии, и вера в науку - вере в религию, но дело обстоит как раз наоборот: кто отрицает религию, по крайней мере основную мысль всякой религии - зависимость эмпирического мира от некоего высшего, разумного и духовного начала - тот, оставаясь последовательным, должен отрицать и науку, и возможность рационального мирообъяснения и совершенствования. И наоборот: кто признает науку и вдумывается в условия, при которых она возможна, тот логически вынужден прийти к признанию основного убеждения религиозного сознания о наличии высших духовных и разумных корней бытия.

Но есть и еще один момент, который объединяет научное и религиозное сознание и отделяет их совместно от неверия. Если оба они сходятся в том, что признают некое сверхэмпирическое начало - разумный дух, постигающий бытие и воздействующий на него, то оба они, с другой стороны, сходятся и в том, что признают глубинность, таинственность, непостижимую до конца беспредельность бытия. Это утверждение может показаться особенно парадоксальным и невероятным. Обычно между наукой и религией в этом отношении усматривается, наоборот, коренная противоположность: наука все объясняет, раскрывает, сводит к рациональным началам, религия окутывает свой объект покровом непостижимой тайны и апеллирует к слепой вере, к покорному послушанию авторитету. Но это традиционное противопоставление совершенно ложно. Что касается «слепоты» религиозной веры, то всякий, знакомый с этой областью не только понаслышке и в особенности ознакомившийся с религиозными мыслителями, с литературой богословия, должен знать, что религия, при всем признании безмерности,

таинственности, непостижимости до конца своего объекта, вместе с тем претендует быть таким же строго объективным знанием, как наука; ее отличие от «рациональных» наук только в том, что в ней единственный источник знания есть непосредственный опыт, который не так легко и просто, как в других областях знаний, может быть выражен в системе понятий, и что этот опыт не может быть механизирован, не может получить помощи ни от какого телескопа или микроскопа, а требует развития, так сказать, личной остроты зрения - развития, необходимо связанного с целостным развитием и совершенствованием человеческого духа; поэтому стать «мастером», «знатоком» или «сведущим» в области религиозного знания гораздо труднее, чем научиться какому-либо иному знанию, и именно потому здесь естественно имеет большее значение авторитет «мастеров». Но главное, на что мы хотели бы обратить внимание, заключается в обратной стороне дела - в том, что наука, подобно религии, полна этого чувства тайны: непостижимости бытия до конца, ограниченности человеческого знания перед лицом его объекта.

Дело очень просто. В чем главный импульс научной работы, стремление науки к познанию, к открытиям? Он заключается именно в загадочности бытия для ученого, в чувстве «изумления» (как говорил еще Аристотель). Истинный, прирожденный ученый, творец научного знания, останавливается в глубоком недоумении перед лицом как будто общеизвестных и «понятных» фактов. Там, где средний человек довольствуется привычками, ходячими понятиями и где с их точки зрения ему все представляется простым и очевидным, ученый спрашивает: *«Как это возможно? Почему это так?»* Ученый хочет проникнуть глубже в реальность, чем это принято и чем это делает обычный человек; а это значит, что он всегда сознает скрытую, еще недоступную, ускользающую от обычного взора глубину бытия. Тот не ученый, не человек науки, для которого весь мир исчерпывается непосредственно видимым, кому кажется, что он обзревает всю реальность, что она лежит перед ним, как на ладони, и что очень легко и просто все узнать. Напротив, лишь тот ученый, кто чувствует таинственные глубины бытия, кто непосредственно, вместе с Шекспиром, знает: *«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»*. Знание своего неведения, выраженное в словах Сократа: *«Я знаю только то, что я ничего не знаю»*, есть начало и постоянная основа научного сознания. Великий Ньютон, проникший в тайны строения и движения Вселенной, говорил о себе: *«Не знаю, чем меня признают потомки, но себе самому я представляюсь маленьким мальчиком, который на берегу безграничного океана собирает отдельные ракушки, выброшенные волнами на берег, в то время как сам океан и его глубины остаются по-прежнему для меня непостижимыми»*. Неудивительно, что с научным гением он соединял религиозную веру. И напротив, наглая самоуверенность, высокомерное чувство: *«Я все знаю, мне все ясно, и я презираю с высоты своей просвещенности всякие тайны и загадки, которых для меня уже больше нет»*, - это чувство, основа презрения к религиозному сознанию и насмешки над ним, есть характерная черта невежды - человека, который не только ничего как следует не знает, но и не знает даже того, что он ничего не знает.

В основе как религиозного чувства, так и научного сознания - в основе искания и творчества и в науке, и в религии - лежит одно и то же первичное отношение к бытию, отличающее творцов научной мысли и религиозного сознания от обывателя, от настроения косности и обыденщины, - словом, от умственной ограниченности; это отношение может быть названо метафизическим сознанием - сознанием значительности, полновесности, глубинности и безмерности бытия; и это сознание сопровождается необходимо определенным настроением изумления и благоговения. Когда мы из тесных комнат дома, из узких улиц города, загораживающих горизонт высокими строениями, вырываемся на простор поля или степи или когда мы, поднявшись на высокую гору, вдруг видим широкий, необъятный горизонт и имеем непосредственное сознание, что за всей этой видимой нам ширью еще лежит бесконечный мир, - тогда мы вдруг остро ощущаем, в какой тесноте и потому слепоте мы обычно живем, как ограничен наш обывательский горизонт, и нас охватывает, вместе с ярким сознанием нашего собственного ничтожества, радостное чувство жизни, мощи и воли. Таково именно постоянное сознание как творцов научной мысли, так и религиозных людей. Это пребывание в атмосфере бесконечности, это дыхание свежим воздухом простора и черпание через него новых живительных сил отличает их обоих от обывателя, изнывающего и тупеющего в своей духоте и тесноте. И потому эпохи веры суть всегда эпохи творчества, прилива новых сил, а эпохи неверия суть эпохи упадка, оскудения и застоя.

В заключение поставим еще один вопрос, который хотя и не совпадает с рассмотренным нами вопросом об отношении между религией и наукой, но психологически стоит в некоторой близости к нему. Быть может, кто-либо из наших читателей, даже и убедившись всеми приведенными соображениями, все-таки скажет: *«Пусть религия не противоречит науке и религиозные люди по своему духовному типу даже родственны ученым, людям науки; но тем не менее и те и другие очень отличны от основной, господствующего типа людей, которые в конце концов нужнее всего в жизни - от людей дела, живой практики и здравого смысла. И люди науки, как и религиозные люди, суть странные чудаки, совершенно ненормальные люди, без которых, быть может, и нельзя обойтись, но на которых мы не желаем походить: они смотрят на небо и не видят того, что делается у них под носом, и, по известному анекдоту, они постоянно падают в яму; настоящими же творцами жизни являются только люди здравого смысла которые хотя и не видят бесконечности, но зато хорошо разбираются в ближайшей, окружающей их среде, и потому и сами лучшие преуспевают в жизни, да и другим приносят больше пользы».*

Это есть очень распространенное убеждение; и в особенности религиозно верующих людей часто считают полупомешанными и противопоставляют им людей «здравого смысла». Такие люди здравого смысла, именно в силу своего умственного здоровья, просто не могут интересоваться теми «далекими» и «широкими» вещами, к которым, вопреки требованиям практической жизни, приковано «ненормальное» сознание верующих. И все-таки это убеждение, как все ходячие оценки, поверхностно и в своем последнем выводе совершенно ложно. Конечно, существует различие между умами синтетическими и аналитическими, между людьми, стремящимися прежде всего уловить и осмыслить для себя целое жизни и мира, и людьми, умеющими хорошо разбираться в мелочах и частностях жизни. И, конечно, мечтательность, забвение непосредственной конкретной действительности, равнодушие к ней и неумение в ней ориентироваться есть недостаток, от которого все должны освобождаться. Но усмотрение этого чисто относительного различия между двумя умственными типами, когда его превращают в абсолютное ведет к затемнению и непониманию другого, гораздо более важного соотношения. Что значит хорошо ориентироваться в частностях? Это значит уметь расположить их в надлежащем, правильном порядке, соответствующем их действительному отношению. Но можно ли это сделать, не имея хотя бы некоторого представления о том целом, частями которого являются эти частности? «Здравый смысл» означает одновременно и остроту зрения в отношении всего частного, и обладание правильной общей картиной, и одно от другого совершенно неотделимо. И наоборот: в чем основной признак глупости, несообразительности и - в пределе - умственной ненормальности, отсутствия «здравого смысла»? Он заключается в неумении разбираться в отношениях между явлениями, располагать их в надлежащем порядке, учитывать подлинный вес и относительную значительность каждого явления, его настоящее место в общей картине действительности. И потому такая глупость, а также ее предельная форма - умственная ненормальность, идиотизм и помешательство - в конечном счете всегда определены одной основной чертой: ненормальным сужением духовного горизонта. Глупый человек, видя одно, забывает о другом и не умеет связать их вместе; он не пытлив, не сообразителен, не умеет возвыситься над частностью и поставить ее на надлежащее место в целом. А ненормальный человек - страдает ли он манией величия или манией преследования, или какой-либо другой манией - всегда мономан, всегда одержим одной идеей и утратил естественное чувство разнообразия и полноты бытия. Он именно потому и душевно болен, что потерял здоровое сознание, что он сам есть только маленькая и зависимая часть (а отнюдь не центр) всей безмерной полноты жизни; здоровое чувство шири, многообразия, скрещения и переплетения множества сфер и интересов в нем заменено искусственным, ограниченным, маленьким мирком его собственного «я» и того немногочисленного, что интересуется его и затрагивает; и вся бесконечная Вселенная для него просто отсутствует. И в этом смысле религиозное сознание - вопреки ходячему суждению - есть подлинно здоровое сознание, совпадает с настоящим здравым смыслом; как бы часто религиозное сознание ни отвлекало человека от интереса к частностям, к эмпирическим мелочам жизни, в принципе оно обладает той широтой умственного кругозора, которая одна только гарантирует способность к правильной расценке явлений. И наоборот, неверующий, как бы часто он ни оказывался в ограниченном кругу умелым практиком и ловким

дельцом, в принципе страдает ограниченностью умственного кругозора и лишен подлинного «здорового» смысла, ибо за пределами некоторого узкого круга он уже ничего не видит; расценить жизнь в целом он не в состоянии, поэтому он легко теряется в исключительных условиях, выведенный из привычной будничной обстановки. Он обладает большим самомнением и наглостью, преувеличивая свое значение и свои силы, и это часто его «вывозит», но ведь и сумасшедший тоже всегда думает только о себе, о своем значении и о своих планах и часто так же обнаруживает изумительную хитрость и ловкость - и все-таки в конце концов в силу узости своего кругозора пасует перед нормальным человеком, которому удастся поймать его и посадить в сумасшедший дом. Неверующий, подобно глупому и сумасшедшему, вопреки тому, что он сам о себе думает, есть всегда не хозяин, а раб жизни - может быть, хитрый раб, иногда надувающий своего господина, но все же раб; он не властвует над жизнью, а жизнь властвует над ним.

Посмотрите на высшие образцы подлинных «практиков» - на великих государственных людей; все они обладали широтой жизненного кругозора, даруемой религиозным пониманием жизни, и вся тайна их успеха заключалась в здоровой расценке и своих собственных сил, и сил внешних, в умении сочетать великое дерзновение с великим смирением, с покорностью перед высшими, непобедимыми силами - умении, которое тоже непосредственно вытекает из религиозного сознания и соответствующей ему широты и глубины понимания человеческой жизни. Напротив, сознание неверующее есть сознание обнаглевшее и потому потерявшее правильные перспективы и обреченное на гибель.

Таким образом, религия не только не противоречит науке, не только совместима с последней, но и родственна ей и проистекает из одного общего духа с ней; и этот дух в свою очередь не только не противоречит так называемому «здоровому смыслу», т.е. здоровому и практически плодотворному отношению к жизни, но при внимательном отношении к делу обнаруживается как единственное условие подлинно здорового отношения к жизни, спасающее человека от всяческой ограниченности и слабости, от обывательского скудоумия и рабского бессилия. Как бессмысленно противопоставление науке здорового смысла, потому что научное знание есть подлинный здоровый смысл, а протест против него порожден именно больным и искаленным «смыслом», так же и по тем же основаниям бессмысленно противопоставление здорового смысла и религии. Как бы часто это ни делалось, это имеет не больше значения, чем упорное уверение помешанного и маньяка, что именно он умственно вполне здоров, и что те, кто противоречат его скудоумным фантазиям, - только глупые люди, не желающие его понять.

С.Л. Франк. Религия и наука. Брюссель, изд. «Жизнь С Богом». 1953. С. 3-26.